

продаже национальных имуществ. На глазах у всех люди (богатели со сказочной быстротой).

И вопрос «что же делать?» возникал тогда со всем трагизмом, какой он приобретает в минуты народного кризиса.

Те, для кого лучшим, высшим средством против всех общественных зол является «наказание виновных», ничего другого не сумели предложить, как смертную казнь спекуляторам, усовершенствование полицейской машины «общественной безопасности» и революционного суда, что представляло в сущности не что иное, как возврат к суду сентябрьских дней, но только без его откровенности.

Однако же в предместьях Парижа уже вырабатывалось в то время более глубокое течение мысли, искавшее *по строительным решениям*, и оно нашло свое выражение в проповедях одного рабочего, Варле, и одного бывшего священника, Жака Ру, за которыми стояли все те «неизвестные», которые перешли в историю под прозвищем «бешеных». Эти «бешеные» понимали, что теории о торговле хлебом без всяких ограничений, развиваемые в Конвенте Кондорсе, Сиейесом и другими, совершенно ложны и что жизненные припасы, раз они поступают в торговлю в недостаточном количестве, легко могут быть скупаемы спекуляторами, особенно в такую революционную пору. Они начали поэтому проповедовать необходимость коммунализации (обобществления) и национализации торговли, *необходимость организовать по всей Франции обмен продуктов по стоимости их производства* - мысль, которой вдохновились потом Годвин, Фурье, Роберт Оуэн, Прудон и их социалистические последователи.

Эти «бешеные» также поняли - и мы увидим, что их идеи вскоре начали прилагаться на практике, - что недостаточно обеспечить каждому «право на труд» или даже «право на землю», что необходимо еще, чтобы исчезла также *коммерческая эксплуатация*, а для этого необходимо *обобществление торговли*¹.

В то же время в обществе происходило довольно серьезное движение против больших состояний, скоплавшихся в одних руках, нечто подобное тому, что происходит теперь в Соединенных Штатах против состояний, быстро наживаемых при помощи трестов. Лучшими умами того времени была указана невозможность основать демократическую республику, если не вооружить ее против чудовищного неравенства состояний, которое тогда уже намечалось и грозило еще усилиться.

Движение против монополий и спекуляции на жизненные припасы неизбежно привело также к движению против ажиотажа на бирже и биржевой игры на курс ассигнаций. 3 февраля 1793 г. делегаты Коммуны 48 секций и «соединенных защитников 84 департаментов» пришли требовать от Конвента закона против искусственного понижения курса ассигнаций, вызываемого ажиотажем, т. е. биржевой игрой. Они просили, чтобы декрет Учредительного собрания, признавший денежные знаки товаром, был отменен и чтобы смертная казнь была назначена за спекуляцию на курсе ассигнаций².

Как видно из сказанного, во Франции росло общее недовольство и происходило движение бедных классов против богатых, которые извлекли из революции всякие для себя выгоды и противились теперь тому, чтобы она пошла на пользу бедным. Поэтому, когда санкюлоты, явившиеся в Конвент с вышеупомянутым требованием, увидели, что и якобинцы, в том числе и ярый Сен-Жюст, говорили против их требования, очевидно из боязни напугать буржуазию, они прямо сказали им, что «богатые потому не понимают бедных, что сами сытно обедают каждый день».

Марат и тот попытался успокоить волнение, выраженное в петиции секций; он не одобрил их

¹ Гений Мишле прекрасно уловил значение народного коммунистического движения этих лет, и великий историк уже указал главные его черты. Жорес в своей «Истории Революции» (*Jaures J. Histoire socialiste*, v. 3-4. La Convention. Paris, 1904) дал теперь более подробные и очень интересные сведения об этом движении в Париже и Лионе.

² Мог ли ажиотаж повлиять на курс ассигнаций? Этот вопрос ставили себе некоторые историки и отвечали на него отрицательно. Падение цен на ассигнации, говорили они, зависело от слишком большого количества знаков, выпущенных в обращение. Это правда; но те, кто следил за колебаниями цен на хлеб на международном рынке, или же на хлопок на ливерпульской бирже, или на русские кредитные билеты на берлинской бирже (до введения золотой валюты), без сомнения, признают, что наши деды были правы, когда приписывали биржевой игре значительную долю ответственности за падение цен на ассигнации. Даже теперь, когда финансовые операции, несомненно, обширнее, чем они были в 1793 г., биржевая игра всегда *усиливает* вне всякой пропорции результаты спроса и предложения в данную минуту. Если при теперешней быстроте перевозки и обмена вообще ажиотажу не удастся надолго поднять цену на данный товар или на данные бумаги, то он всегда вздувает подъем или усиливает падение и совершенно несоразмерно увеличивает временные колебания цен, которые могли бы произойти или от изменившейся производительности труда (например, в урожай данного года), или от колебаний спроса и предложения. В этом *преувеличении колебаний* состоит секрет всякой спекуляции.